

Театр. Курсер. 2004. май (№ 5) - с. 3

КРУПНЫЙ ПЛАН

У Алексея Кравченко был ранний и запоминающийся актерский старт — в 1985 году в фильме Элема Климова «Иди и смотри» он сыграл белорусского мальчика Флера, ставшего олицетворением человеческих страданий и суровых испытаний войной. Яркий кинодебют всегда таит в себе коварную опасность — зритель знакомится с артистом на удачном профессиональном взлете и закономерно ожидает дальнейшего творческого роста исполнителя. Но не каждому дано повторить успех и, тем более, надолго удержаться некогда взятый художественный рубеж. За годы, прошедшие с момента первого появления Алексея на экране, кино не сумело предложить актеру столь же полнокровный характер, богатый драматургический материал, какой был в картине «Иди и смотри». Однако Кравченко не затерялся среди своих коллег. Сегодня его имя ассоциируется с ролями в фильмах «Мама», «Фортуна», «Звезда» или сериалах «Бригада» и «Спецназ». Артист изменился. Изменились и его герои.

— Алексей, многие режиссеры обращают внимание в первую очередь на вашу брутальную внешность и, исходя из этого, видят вас только в ролях определенного плана и направления...

— Да, я понимаю. Причем не важно, худеешь ты на двадцать килограммов или, наоборот, поправляешься. Ко мне сейчас подходят режиссеры и говорят: «Леша, вот у нас там маленькая роль, но ведь ты же откажешься». Я говорю: «Ну хотя бы позвоните. Или пусть помощники ваши позвонят, узнают».

— Кроме борьбы с весом, на какие еще подвиги вы способны в профессии?

— Какие-то трюки сам выполняю. Режиссеры говорят: «Леша, бестолковый, зачем ты это делаешь, тебя же все равно не увидят?» В этих случаях я отвечаю: «А ты сделай так, чтобы увидели». Например, я ныряю в прорубь зимой, а потом меня сажают в машину и везут на поезд. А до этого было договорено, что будет баня, какой-то стол. Выходишь из проруби в 40 градусов, на тебе вся одежда колом стоит, как зацементированная. Не гнетса все, а отламывается. И мне на чистом глазу говорят: «Леша, не успели». Ну не успели, так не успели. Остается смириться.

— Но какой смысл в таком героизме?

— Это не пустое бахвальство. Я соизмеряю свои силы и свои возможности. Так, чтобы не пострадало кино, естественно, и я. Бывает, на последний съемочный день оставляют все трюки, ты делаешь хвост веером, выполняешь трюк, а потом лечишься очень долго — нет, так тоже нельзя.

— Военная тема, так отчетливо обозначенная в ваших ролях, близка вам хотя бы потому, что три года отслужили в морфлоте. В памяти остались положительные или отрицательные эпизоды, связанные с армией?

— Человеческая память имеет свойство забывать все плохое. Естественно, на службе были неприятные моменты. Потом что-то иногда вдруг вспоминалось, накатывало. И сразу самооценка шла — как я повел себя в этой ситуации. Но постепенно все черное затирается и становится белым, ты понимаешь, что в этом была какая-то такая романтика что ли. Я попал во Владивосток на Тихоокеанский флот. Призывался зимой, а там серость, снега нет, но очень холодно. Когда летом все стало расцветать, и у меня в душе начались перемены. Три года служить — ну, значит, три года потерпим. Так что все равно служба вспоминается только с хорошей стороны, да и не было в этом ничего нового. Ведь и на гражданке были такие же экстремальные ситуации, когда район на район идет. И если ты попадаешь под другую группировку, то в лучшем случае тебе отобьют почки, и ты некоторое время не сможешь нормально писать...

— Вас мама одна воспитывала. Вы ощущали нехватку мужской руки?

— Я по отцу скучал очень сильно. Он не жил с нами с моих двух лет. И, конечно, мне его не хватало. Я помню, как сидел в песочнице и ждал, когда папа придет на мотоцикле. Потом, когда он приезжал на дни рождения, то помню, конечно, его запах, щетину колючую, руки какие-то такие... не мягкие. Но так, как мама меня воспитывала и в какой-то момент начала воспитывать улича, я не могу себя назвать маменькиным сыночком. Столько было разных ситуаций, когда мама за голову бралась и в ее глазах стоял ужас от того, что вытворяет ее сын! И в армию я пошел, чтобы не держаться за материнскую юбку. Многие мне говорили: «Ты что, дурак? После такого фильма ты пошел в армию?» Но у меня даже мыслей не было «косить». Был момент, когда я мог перелезть через забор и «свалить», потом

АЛЕКСЕЙ КРАВЧЕНКО: ВРАГА НАДО ЛЮБИТЬ

что-то придумать. Но тогда это было антимодно. Все заранее готовились к службе. Поколение такое было. Или у меня такое было окружение. А сейчас все по-другому, и я склоняюсь к тому, чтобы наша армия стала профессиональной.

— Будучи школьником, вы занимались в джазовой студии. Что вас туда привело? Любовь к джазу?

— Нет. Просто паренек, умея играть джоровые песни на гитарах, хотел развиваться дальше как гитарист в техническом плане. Поступил в джазовую студию, проучился там почти три года и понял, что это не мое. Джаз стал только сейчас нравиться, и то не все. Что-то я почерпнул из этого занятия, но при этом надо же было дальше идти, а мне не очень хотелось, меня другая музыка манила. И дальше я уже самообучался, искал себя. Уже тогда думал, как совместить электронную музыку и металл. Прошло время, появились такие музыкальные направления. Я придумал, как сделать так, чтобы ни на кого не быть похожим и им.

— И в 2000 году вы создали группу «Гуарана»...

— Да, я позвал своего однокурсника Кирилла Раддига, мы с ним сделали программу, набрали ребят, которые нам близки по духу. Мы долго искали вокалиста, около года. Я подошел к этому с абсолютно профессиональной точки зрения, то есть смотрел на все, начиная от внешности, фигуры,

умения держаться на сцене, не говоря о вокальных данных.

— Какие требования вы предъявляли к внешности?

— На данный момент фронтмэн внешне должен быть такой, чтобы все женское население молодого возраста сохло по нему.

— Но женские вкусы разные.

— Для этого есть вторые планы нашей группы. Мы на разные вкусы. Сейчас рано говорить о результате, но ведется большая работа, в которую я вложил много сил и нервов. В первую очередь нервов, потому что не все гладко проходит.

— Как к вашим творческим поискам относится ваша жена Алиса? Говорят, она сыграла на последнюю роль в вашем выборе профессии.

— Когда я объявил, что буду поступать в театральное училище, в это никто не верил, даже моя мама. Все говорили жене: «Ты будешь ждать, пока он отучится?» И только моя теща считала, что я должен пойти учиться. И моя жена, будучи похожа на свою маму, меня поддержала. Другая бы сказала: «Ты что, с ума сошел? Иди вон, вкальвай куда-нибудь» Не думаю, что я с такой женой долго бы жил. Алиса меня поддержала, и в этом ее заслуга. И как правильная жена поддерживает меня во всем. Вы посмотрите, что тут творится! (Показывает на аппаратуру в студии.) И сколько еще по разным чемоданам лежит. И это все не дешево, и профи меня поймут. Сюда

вложены мои деньги и деньги моих друзей.

— Не спонсорские?

— Покажите мне спонсора, который потом не скажет: «Где мои деньги?» или «Когда ты мне их вернешь?» Так и надо написать: «Спонсоры, найдитесь!» Где эти спонсоры, где эти нефтяные магнаты?!

— Несколько лет назад, будучи актером театра им. Е. Вахтангова, вы сказали: «Из Вахтанговского я не уйду. Этот театр — мой дом». Что изменилось с тех пор, почему вы ушли из этого дома?

— Если говорить не кривя душой, то молодой актер, находясь в театре, не может сидеть на лавочке и ждать, когда же ему что-нибудь свалится в подарок. Я понял, что мне ничего не светит в театре Вахтангова. Ожидать манны небесной не хотелось, нужно было как-то «шевелить хвостом». Я ушел из театра, и где-то по истечении года мне позвонил Кирилл Серебренников и позвал в театр Пушкина, на роль Ника в спектакле «Откровенные полароидные снимки». Было безумно страшно, потому что после театра Вахтангова мне было дико произносить на сцене мат.

— Но там не только мат, но и шокирующая откровенность, очень неуютная для обывательского взгляда.

— Да, наверное. Если люди не готовы прийти. Но это спорный вопрос. Все в жизни матеряется, а когда приходят в театр, возмущаются: «Что это такое, как вы себе позволяете?» А на самом деле в жизни этот человек вытворяет нечто похлеще. А в театр приходит, чтобы ему почистили душу.

— Ну и, наверное, в чем-то прав...

— Да, но театр при этом и отражение обыденности жизни. И зритель только к концу спектакля понимает, куда его вели. Ну и потом, когда я уже играл в театре Пушкина, Кирилл мне сказал, что у него есть новая большая задумка — спектакль «Мещане» по пьесе Горького. И спустя некоторое время я уже стоял на сцене МХАТа, в роли Нила. Недавно была премьера.

— Но ведь вначале вы отказались от этой роли.

— Отказался по очень простой причине. У меня в это время были съемки в кино. И в театре тоже были уже намечены репетиции, лишь чуть-чуть плавали сроки. А я считаю себя обязательным человеком, не могу подводить столь замечательных людей. И поэтому вернул Кириллу пьесу. Он ответил: «Да, хорошо» — и сделал вид, что ничего не произошло, все в порядке. А через день мы встретились. Он молчит, и я молчу. Я не выдержал, подошел к нему, вспомнил, как перед этим он мне сказал: «Я никого, кроме тебя, не вижу в этой роли». И мои губы и язык ответили раньше, чем подумал мозг: «Верни мою пьесу». И на следующий день я уже был на репетиции, а потом обстоятельства сложились так, что съемки картины перенесли на следующую осень и открылись временные просторы для работы в театре. Репетиции были очень интересные, но безумно сложные. Все, конечно, очень уставали, но усталость позволяла сконцентрироваться на поставленных режиссером задачах. Перед спектаклем до тошноты нервничал. А в зале, между тем, было несметное количество народу, замечательных критиков и фотографов.

— Ну, ирония насчет замечательных критиков...

— Нет, надо врага любить.

— Даже так?

— Конечно, я с долей юмора это говорю. Критики никакие не враги и не противники — у них призвание такое. Но все равно у меня есть убеждение: то, что я делаю на сцене или в кино, я делаю для зрителей, никак не для рецензентов. Я такой человек, что больше себя слушаю. И все равно — критика нужна, без нее нельзя. Конечно, без исключений не бывает. Был в моей жизни и такой случай, когда некоторые критики после фильма «Рождественская мистерия» поставили оценку, не посмотрев картины. Но это все-таки редкость.

— На сегодняшний день, имея за плечами немалый опыт работы в кино и театре, будучи лауреатом Государственной премии и молодежной премии «Триумф», вы считаете себя состоявшимся актером?

— Ну как я могу сказать, что я состоялся? Что я такого сделал, чтоб так сказать? И это не кокетство. Иногда бывает, я просто не могу какие-то кадры с собой смотреть, меня начинает крутить. Неважно, что зал реагирует хорошо. Мне не нравится. Может, я так у Климова научился. Если я в какой-то момент скажу себе: «Тебя называют звездой или секс-символом», то все... Сливай масло, туши свет. Развития дальше не будет...

Наталья КАШИНА

Кравченко Алексей
11.05.2005
(мат)